

№ 54
Pain

SCIENCE AND FLUNKYISM.

(Цѣна: 5 пен.; 50 сант.; 10 цент.)

P 20
742

НЕ КОПИРОВАТЬ

НАУКА И ПОДХАЛИМСТВО.

ОТВѢТЪ

профессору Ренненкампу по польскому и еврейскому
вопросамъ въ Россіи.

1898.

Printed by the "RUSSIAN FREE PRESS FUND,"

15, Augustus Road, Hammersmith,

LONDON, W.

ПИСЬМА И ДЕНЬГИ ДЛЯ ГЛАВНАГО СКЛАДА АДРЕСОВАТЬ:
L. Goldenberg, 15 Augustus Rd., Hammersmith, London, W. England.

ИЗДАНИЯ ФОНДА.

- 1-ый выпускъ. — «Чего намъ нужно». С. Степняка. Цѣна 2 пен.
2-ой выпускъ. — «Заграничная Агитація». С. Степняка. 2 пен.
3-ий выпускъ. — «Еврей къ Евреямъ». Е. Хасина. 4 пен.
4-ый выпускъ. — «П. К. Домбровский, Членъ 'Пролетаріата'». (Революционеръ-Самоучка). Біогр. очеркъ. 2 п.
5-ый выпускъ. — «Чудная». Очеркъ. В. Короленко. 1 п.
6-ой выпускъ. — «Подпольная Россія». С. Степняка. 2 шил.
Тоже. Съ портретами и въ переплетѣ. 3 шил. 3 пен.
7-ой выпускъ. — «Конституція графа Лорисъ-Меликова». 3 п.
8-ой выпускъ. — «Чѣму учить 'Конституція графа Лорисъ-Меликова'». Ф. Волховскаго. 4 пен.
9-ый выпускъ. — «Кто чѣмъ живетъ». С. Ликштейна. Народное изданіе съ портретомъ автора. 3 пен.
10-ый, 11-ый и 12-ый выпуски. — «Азбука социальныхъ наукъ». П. Флоровскаго. Цѣна 2 шил.
13-ый выпускъ. — «Зарницы». Драмат. сцены. И. Старикова. 3 п.
14-й выпускъ. — «Воспом. о Чернышевскомъ». В. Короленко. 6 п.
15-ый выпускъ. — «Письмо Императору Александру III». М. Цибриковой. Съ портретомъ и письмомъ къ Кеннану. 4 пен.
16-ый выпускъ. — «Проектъ Русской Конституціи», составленной въ Россіи. Со статьей С. Степняка. 6 пен.
17-ый выпускъ. — «Насущный вопросъ». Брошюра партіи Народнаго Права 6 пен.
18-ый выпускъ. — «Ходатайство Русскихъ Литераторовъ объ облегченіи цензуры». 4 пен.
19-ый выпускъ. — «Гоненія на духоворцевъ». 10 пен.
20-ый выпускъ. — «Подвиги А. А. Кривошеина». 6 пен.
21-ый выпускъ. — «По ошибкѣ». П. А. Тверского. 6 пен.
22-ой выпускъ. — «Нынѣшняя русская конституція». 10 пен.
Последнія произведенія Л. Н. Толстого. 10 пен.
23-ий выпускъ. — «За Сто Лѣтъ» (1800-1896). Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи. Состав. Вл. Бурцевъ. 6 шил.
24-й выпускъ. — «Доктринеры материализма и Русская действительность», ц.

ФОНДОМЪ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ

публикуется неперіодическое изданіе «Летучіе Листки».

Осталось небольшое число комплетовъ «Летучихъ Листковъ» №№ 1—43. Ц. 9 ш. (12 фр. 3 дол.)

ИЗДАНИЯ Ал. Ив. ГЕРЦЕНА:

Сочиненія Герцена.

- Былое и думы. (3 тома). 1 ф. 2 ш.
Кто виноватъ? (2 части). 6 ш.
Письма изъ Франціи и Италіи. 8 ш.
Прерванные рассказы. 5 ш.
Русскій Народъ и Соціализмъ. 2 ш.
Старый міръ и Россія. 2 ш.

(Продолженіе см. на предпоследнюю страницу обертки).

D 20
10742

НАУКА И ПОДХАЛИМСТВО.

Среди наших, довольно бѣдныхъ количествомъ, а еще болѣе качествомъ, ученыхъ, бывший профессоръ Московскаго университета Борисъ Николаевичъ Чичеринъ занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ и какъ ученый, и какъ человѣкъ. Онъ очень много знаетъ и много работаетъ. Доктринеръ, либераль и гуманистъ, онъ, не пролагая новыхъ путей въ наукѣ, и даже не отличаясь широтой воззрѣній, талантливо и добросовѣстно излагалъ на лекціяхъ и излагаетъ въ сочиненіяхъ свои взгляды и убѣжденіе, которымъ пребывалъ и пребываетъ вѣренъ. Прослуживъ около 20 лѣтъ профессоромъ въ Москвѣ и выйдя въ отставку, вмѣстѣ съ Соловьевымъ, Бабстомъ, Дмитриевымъ, Капустинымъ и Рачинскимъ, — благодаря проiscaмъ Леонтьева и Баршева, — Чичеринъ удалился въ частную жизнь, продолжая работать научно, и издавъ нѣсколько крупныхъ трудовъ по философіи и государственному праву.

Какъ человѣкъ, Чичеринъ прежде всего отличается безукоризненною честностью, твердостью убѣжденій и независимостью. Во время коронаціи Александра III онъ былъ Московскимъ городскимъ головою и на собраніи городскихъ головъ произнесъ рѣчь, которая очень не понравилась свѣже-коронованной головѣ будущаго миротворца. За эту рѣчь Чичеринъ долженъ былъ оставить свой постъ!

518
Въ нынѣшнемъ году Чичеринъ выпустилъ 3-й томъ своего «Курса Государственной Науки», — полигику. Въ этой книгѣ, онъ, съ удивительною для русскаго писателя смѣлостью и прямою, высказываетъ свой взглядъ на польскій и еврейскій вопросы. Онъ утверждаетъ, что раздѣлъ Польши былъ разбоемъ и дѣломъ столь же безнравственнымъ, сколь и не выгоднымъ, а исчезновеніе ея, какъ государства, несчастіемъ не только для нея, но и для Европы. Насильственное удержаніе Царства Польскаго Россіей ни къ чему не приведетъ, кромѣ зла, а мысль о превращеніи Польши въ русскую область есть несбыточная мечта. Чичеринъ требуетъ не только полнаго уваженія къ языку и религіи Польши, но прямо отдѣльнаго государственнаго существованія для нея. Насколько можно судить (это прямо не высказано въ книгѣ) Чичеринъ предполагаетъ образовать самостоятельное польское государство изъ русской Польши, Галиціи, Познани и части восточной Пруссіи.

По отношенію къ евреямъ Чичеринъ рѣзко порицаетъ русское правительство за то, что оно не только сохранило средневѣковыя стѣсненія гражданскихъ правъ евреевъ, но еще все болѣе и болѣе усиливаетъ ихъ, подъ вліяніемъ ложно понятаго національнаго направленія. Чичеринъ

взываетъ къ справедливости, челоуколюбію, здоровой политикѣ, и утверждаетъ, что исключительные законы вносить въ жизнь произволь и несправедливость, возбуждаютъ озлобленіе въ притѣсняемыхъ и понижаютъ нравственный уровень общества, пріучая его равнодушно смотрѣть на оскорбленіе челоуческихъ чувствъ и нарушеніе христіанскаго долга. Онъ требуетъ полной отмѣны всѣхъ исключительныхъ законовъ для евреевъ, находя, что къ нимъ, какъ и ко всѣмъ другимъ людямъ, должны быть примѣняемы общіе законы, согласно которымъ слѣдуетъ наказывать совершенныя преступленія, но нельзя устанавливать категорій подозрительныхъ людей, которые стѣсняются въ своихъ гражданскихъ правахъ единственно потому, что ихъ собратья склонны къ мошенничеству.

Такъ гласить, устами Чичерина, наука, наука безпристрастная, настоящая, которая «провидитъ въ даль», и которая съ изслѣдованіемъ реальныхъ отношеній соединяетъ указаніе высшихъ идеальныхъ сторонъ государственной жизни. Представителемъ такой науки является Чичеринъ. Но есть другая наука, пристрастная, подхалимная, которая оправдываетъ существующіе порядки и наипаче старается свлужить и нашимъ и вашимъ, и богу и мамоннѣ. Представителемъ такой науки является кіевскій профессоръ г. Ренненкампфъ, который счелъ нужнымъ выступить въ «Кіевлянинѣ» органѣ другаго кіевского профессора, г. Пихно, съ открытыми письмами къ Чичерину по поводу польскаго и еврейскаго вопросовъ.

Кто такой и что такое г. Пихно — это болѣе или менѣе извѣстно. Довольно сказать, что изъ всѣхъ редакторовъ провинціальныхъ газетъ, онъ одинъ получилъ разрѣшеніе издавать газету безъ цензуры. Г. Ренненкампфъ — тоже нѣтъ извѣстная. Онъ состоитъ профессоромъ уже сорокъ лѣтъ, но въ отставку, благодаря чѣмъ либо проискалъ, не выходилъ, по той весьма простой причинѣ, что онъ самъ занимался проісками и доносами, благодаря которымъ изъ кіевского университета было изгнано не мало порядочныхъ людей (Зиберъ, Драгомановъ, Мищенко); онъ тоже былъ городскимъ головой, въ Кіевѣ, но потерялъ свой постъ не за либеральныя рѣчи, а за либеральное обращеніе съ городской казною, при постройкѣ городского дома (нѣчто подобное произошло съ нимъ и при постройкѣ университетскихъ клиникъ). Въ теченіи своей сорокалѣтней ученой карьеры, г. Ренненкампфъ написалъ очень жиденькую энциклопедію права — слабую комниляцію, и болѣе, кажется, противъ науки ни въ чемъ не провинился. Но по поводу книги Чичерина онъ счелъ нужнымъ опоясать свои ученыя чресла и напечатать рядъ статей въ «Кіевлянинѣ».

Онъ прежде всего расшаркивается передъ Чичеринымъ, восхваляетъ его научныя достоинства, возвышенную и безпристрастную постановку дѣла на почвѣ истины и высшихъ началъ правды и блага. Далѣе излагая подроб-

но приведенныя выше положенія Чичерина, онъ вообще почти во всемъ соглашается съ нимъ. Но затѣмъ, переходя къ частностямъ, г. Ренненкампфъ уклоняется отъ вопроса, приводитъ вмѣсто научныхъ доводовъ свои собственные наблюденія, отъ языка профессорскаго переходитъ къ языку чиновника и въ концѣ концовъ получаетъ нѣчто, діаметрально противное Чичерину. Съ одной стороны «должно согласиться», съ другой — «нельзя не признаться», а въ результатѣ — тоже самое, что дѣлаетъ вездѣ и во всемъ наше правительство, которое говоритъ о мирѣ — и усиливаетъ вооруженія; говоритъ о трезвости — и увеличиваетъ потребленіе вина; говоритъ о просвѣщеніи — и мѣшаетъ ему всеми способами; говоритъ о народномъ благосостояніи — и выколачиваетъ подати, короче, прикрываясь хорошими словами и задаваясь повидимому лучшими намѣреніями, творитъ всевозможныя пакости.

Занявшись поляками, г. Ренненкампфъ оправдываетъ раздѣлъ Польши и доказываетъ, что отобранныя отъ Польши по первымъ тремъ раздѣламъ губерніи: Кіевская, Подольская, Волынская, Витебская, Могилевская, Минская, Виленская, Гродненская и Ковенская составляли древнія русскія области и были населены преимущественно православнымъ народомъ. Въ подтвержденіе этого положенія г. Ренненкампфъ приводитъ цифры за 1872—1890 гг. и полагаетъ, что эти цифры во время раздѣловъ (1772—1795 гг.) были ещѣ сильнѣе въ пользу Россіи, такъ какъ «обще-признанный фактъ, что въ царствованіе Павла I и Александра I прозелитизмъ» оказали значительные успѣхи».

Уже этотъ небольшой *passus* характеризуетъ уклончивую, виляющую и не вполне добросовѣстную манеру г. Ренненкампфа.

Онъ обходитъ молчаніемъ фактъ присоединенія Царства Польскаго, первый штурмъ Варшавы, казни и ссылки, которыми онъ сопровождался. Возражая своими цифрами и указаніями на притѣсненіе русскаго православнаго народа поляками, онъ уклоняется отъ вопроса, ибо если Чичеринъ говоритъ о раздѣлахъ Польши, то онъ имѣетъ въ виду все государство, въ составъ котораго между прочимъ входили русскія области, но тамъ гдѣ онъ касается обрусѣнія, притѣсненія языка и религіи, онъ конечно говоритъ не о русскихъ, а о полякахъ, т. е. о Царствѣ Польскомъ и тѣхъ губерніяхъ, которыя, по цифрамъ самаго г. Ренненкампфа, несомнѣнно должны быть признаны не русскими, а польскими. Эти губерніи — Виленская и Ковенская. Въ первой изъ нихъ на 356.000 православныхъ приходится 24.000 католиковъ, а во второй на 43.000 православныхъ — 1.200.000 католиковъ! г. Ренненкампфъ находитъ важнымъ, говоря о польскомъ прозелитизмѣ въ царствованіи Павла I и Александра I, умолчать о православно-очномъ прозелитизмѣ Николая I и литовскаго митроита Юсіфа Симашко, отъ которыхъ всего больше подала минская губернія.

Соглашаясь великодушно съ Чичеринымъ, что польскій народъ по своей исторіи, культурѣ, даровитости заслуживаетъ самостоятельнаго развитія въ границахъ своей народности; признавая, что его языкъ, нравы, литература, искусство, образованіе, матеріальная производительность отличаются самобытнымъ духомъ и имѣютъ право на независимое существованіе; подтверждая, наконецъ, что сліяніе польской народности съ русской есть не только мечта, невозможность, но было бы потерю въ общемъ ходѣ европейской культуры, г. Ренненкампфъ эти положенія — ясныя и простыя, изъ которыхъ возможенъ только выводъ, сдѣланный Чичеринымъ, а именно, что польское государство должно быть возстановлено — обставляетъ такимъ множествомъ оговорокъ, что самый выводъ исчезаетъ. Онъ вмѣстѣ съ Чичеринымъ упрекаетъ поляковъ въ томъ, что тѣ не сумѣли воспользоваться милостями, дарованными имъ русскими царями (Александромъ I и Александромъ II), но въ то время, какъ Чичеринъ пользуется этими примѣрами для того, чтобъ показать недостаточность политическаго развитія поляковъ и пожелать, чтобъ уроки исторіи пошли имъ на пользу, и чтобъ они убѣдились, что для самостоятельной жизни недостаточно однихъ пылкихъ стремленій, а нуженъ еще здравый политическій смыслъ, пониманіе своего положенія и умѣніе пользоваться обстоятельствами, г. Ренненкампфъ принимается обѣлять русское правительство и весьма пространно толкуетъ о томъ, какъ поляки относились нетерпимо къ русскимъ и на оборотъ, лучшіе русскіе люди искренно и дружно сближались съ поляками. Онъ называетъ и Пушкина и Грановскаго, и Кавелина и Ешевскаго, и кіевскихъ профессоровъ Бунге, Шульгина, Селина, Павлова и другихъ. Но г. Ренненкампфъ забываетъ съ одной стороны Герцена, который гораздо вѣрнѣе поставилъ вопросъ, признавъ, что намъ сначала нужно заслужить прощеніе поляковъ, а потомъ войти съ ними въ дружбу; съ другой стороны онъ забываетъ Николая I, Муравьева и Александра III, которыхъ Польша не можетъ и не должна такъ легко забыть. Если когда либо Польша освободится отъ русскаго ига и сдѣлается самостоятельнымъ государствомъ, то и тогда дѣянія этихъ героевъ жельза и крови должны остаться памятными и служить назиданіемъ; но пока Польша порабощена, пока лучшіе, благороднѣйшіе сыны ея разстрѣляны, развѣшены, засѣчены въ Сибири, сосланы въ эту страну ужаса, пока вся Польша стонетъ подъ штыкомъ солдата и ботфортомъ Держиморды, пока продолжается гоненіе на языкъ и вѣру — до тѣхъ поръ, добрыя слова нѣсколькихъ десятковъ хорошихъ русскихъ людей не могутъ имѣть никакого значенія. До тѣхъ поръ дружба поляковъ съ русскими есть фальшь, а примиреніе съ русскимъ правительствомъ — подлость и униженіе. Нѣтъ ничего легче какъ читать народамъ уроки исторіи заднимъ числомъ. Противъ этого соблазна не устоялъ и Чичеринъ, но едва ли можно согласиться съ нимъ и съ г. Ренненкамп-

фомъ въ ихъ взглядахъ на революціи 1830 и 1863 гг. Поляки можетъ быть и надѣлали промаховъ, можетъ быть они могли распорядиться ловче, можетъ быть ихъ планъ—осилить Россію, былъ легкомысленъ, но основная идея ихъ была вѣрна: они тогда хотѣли того же, что хотятъ теперь Чичеринъ и г. Ренненкампфъ: самостоятельнаго государственнаго существованія, и не удовольствовались крохами, которыя имъ удѣляли російскіе монархи. Они не хотѣли милостей и подданства—и были правы. Если они предъявляли требованія, которыя намъ кажутся чрезмѣрными, то во 1-хъ эта чрезмѣрность еще не вполне доказана, а во 2-хъ это былъ запросъ, отъ котораго можно было въ той или другой части отступить. Безспорно, не все, что когда-то принадлежало Польшѣ, можетъ быть ей вновь отдано Россіею, но, не говоря о губерніяхъ Виленскій и Ковенской, нѣкоторыя части Гродненской и Минской губерніи несомнѣнно должны быть возвращены Польшѣ, и къ этому возстановленію справедливости должны стремиться всѣ честные русскіе люди, какъ и всѣ честные поляки. Конечно тѣ или другія отношенія между отдѣльными лицами могутъ сложиться подъ самыми различными вліяніями, но между народомъ польскимъ и народомъ русскимъ сближеніе возможно только на почвѣ разрушенія русскаго правительственнаго режима, одинаково гнетущаго оба народа. Революціонные, террористическіе способы борьбы и не нравственны, и не пригодны; непригодность ихъ доказана многими горькими опытами, ибо въ дѣлѣ насилія и террора невозможно превзойти русское правительство. Друзьямъ Польши и друзьямъ Россіи надо стремиться къ мирному, совмѣстному труду для преобразованія русскаго государственнаго строя,—только свободная Россія дастъ свободу Польшѣ. Тогда настанетъ время для разверстанія, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что русскія области останутся русскими, а польскія—польскими. Инаго исхода нѣтъ, ибо всѣ тѣ мѣры, которыя теперь принимаетъ русское правительство для обрусѣнія польскихъ и «располячиванія» русскихъ областей являются совершенно дикими и бессмысленными и могли родиться только въ головахъ такихъ мудрецовъ и политиковъ какъ Муравьевы, Игнатьевы, Дрентельны подъ высочайшимъ (по своей нелѣпости) покровительствомъ Александра III. Обрусѣніе поляковъ — не только химера, но и гнусность. Она затрагиваетъ, и затрагиваетъ грубо, безтактно, солдатски-чиновничьимъ способомъ языкъ и религію—святую святыхъ націи. Оно вторгается въ церковь, школу, имущественныя и семейныя отношенія и можетъ вызывать только ненависть. «Располячиваніе» (это гнусное слово принадлежитъ Каткову) русскихъ областей представляетъ собой нѣчто въ родѣ разхищенія башкирскихъ земель, и обозначаетъ ничто иное, какъ невѣроятное стѣсненіе польскаго землевладѣнія. Еслибъ оно творилось въ пользу крестьянъ, то ему еще можно было бы найти какое нибудь оправданіе. Но въ томъ

то и дѣло, что вся эта система придумана и практикуется въ пользу русскихъ кулаковъ, генераловъ, чиновниковъ и помѣщиковъ, при чемъ съ беззастѣнчивостью и наглостью, свойственную одному русскому правительству мѣра, принятая для усиленія русскаго, православнаго элемента въ краѣ, распространена на нѣмцевъ—лютеранъ, относящихся къ русскому «быдлу» гораздо хуже помѣщиковъ—поляковъ. Поляки не имѣютъ права отчуждать свои имѣнія иначе какъ въ руки особой привилегированной категоріи лицъ, получающихъ свидѣтельства отъ Кіевскаго и Виленскаго генераль-губернаторовъ. Какія при этомъ совершаются подлости и подкупы, какой допускается произволъ — это трудно описать. Поляки не имѣютъ права покупать имѣнія въ сѣверо и юго-западномъ краяхъ, а проповѣдники въ родѣ г. Ренненкампа это право имѣютъ и подъ шумокъ пріобрѣтаютъ польскія имѣнія. Мало того, поляки не могутъ передавать своихъ имѣній по завѣщанію иначе какъ въ порядкѣ законнаго наследованія, не могутъ отдавать своихъ имѣній въ аренду полякамъ. Всѣ эти грабительскія мѣры, конечно, всего менѣе пригодны къ установленію добрыхъ отношеній между поляками и русскими, и только лишній разъ доказываютъ всю неспособность и недобросовѣстность русскаго правительства, противъ котораго и должны быть по этому направлены всѣ усилія какъ русскихъ, такъ и поляковъ.

Переходя къ еврейскому вопросу, г. Ренненкампафъ находитъ, что онъ гораздо труднѣе и сложнѣе вопроса польскаго. «Въ послѣднемъ преобладаетъ сторона политическая, въ первомъ затрагиваются отношенія религіозныя, національныя, экономическія, историческія, наслоенія различныхъ эпохъ и условій, и каждое изъ нихъ такъ сплелось съ характеромъ и бытомъ кореннаго населенія, представляетъ столько ступеней и отгѣнковъ въ общественномъ строѣ, что необыкновенно трудно опредѣлить ихъ реальное значеніе и дать каждому соответственное мѣсто и вѣрное разрѣшеніе». Неизвѣстно, для чего понадобилось г. Ренненкампафу нагромоздить столько трудностей, которыхъ однако не усматриваетъ Чичеринъ; для того ли, чтобъ щегольнуть своимъ геніальнымъ разрѣшеніемъ столь труднаго вопроса, или для того, чтобъ заранѣе оправдать неудовлетворительное его разрѣшеніе. Во всякомъ случаѣ, во всемъ, что перечислилъ г. Ренненкампафъ, очень много словъ и мало правды. Въ польскомъ вопросѣ также затрагиваются отношенія религіозныя, національныя, историческія, наслоенія эпохъ и условій, какъ въ еврейскомъ. Но въ то время какъ еврейскій вопросъ есть дѣло внутреннее, дѣло просвѣщенія, польскій вопросъ касается и внѣшней политики, и территоріальныхъ отношеній, и военной исторіи и славы и т. д. значитъ, если можно говорить о трудностяхъ, то онѣ окажутся на сторонѣ польскаго вопроса. Но всѣ эти трудности могутъ имѣть значеніе

чисто практическое: научное же, или принципиальное разрѣшеніе и того и другаго вопроса вовсе не трудно, какъ это и доказалъ Чичеринъ.

Выписавъ изъ книги Чичерина то, что онъ говоритъ о евреяхъ, г. Ренненкампфъ дѣлаетъ также очень длинную выписку изъ книги Леруа-Болье, полагая что положенія этого послѣдняго составляютъ необходимое логическое развитіе положеній Чичерина, который будто высказываетъ, «что евреи должны воспринять въ себя западно-европейскую культуру и слиться съ социальнымъ строемъ той страны, въ которой живутъ, на началахъ гражданской свободы и равенства правъ». Оставляя въ сторонѣ Леруа-Болье, нужно замѣтить, что Чичеринъ нигдѣ не высказываетъ такихъ положеній. Онъ ничего не говоритъ о томъ, что «должны» евреи—и совершенно правъ. Онъ настаиваетъ лишь на томъ, что законодательство должно «снять съ евреевъ все стѣненія» и должно «предоставить имъ, какъ и всемъ людямъ, безпренятственно расширять свою дѣятельность, селиться гдѣ угодно и заниматься, чѣмъ угодно»; г. Ренненкампфъ, повидимому, не понимаетъ, что это т. е. то, что говоритъ Чичеринъ, можно декретировать, а то, что говоритъ онъ, г. Ренненкампфъ, есть вздоръ и пустяя слова. Пусть г. Ренненкампфъ попробуетъ дать себѣ отчетъ въ своихъ требованіяхъ и онъ увидитъ, что они не выполнимы. Какую такую западно-европейскую культуру должны воспринять въ себя русскіе евреи, когда сама Россія отрещивается отъ нея всякими цензурами и жандармами? Должны ли евреи принять культуру католическую, лютеранскую, англиканскую, конституціонно-монархическую, республиканскую, социаль-демократическую или анархистскую? Что за фразеологія! У Чичерина рѣчь идетъ о томъ, что въ государствѣ все члены его должны пользоваться одинаковыми правами, независимо отъ ихъ расы и исповѣданія. Въ предѣлахъ общаго закона все люди могутъ достигать всего что они хотятъ и умѣютъ: одинъ дѣлается фабрикантомъ, другой земледѣльцемъ, третій профессоромъ, четвертый анархистомъ; фабрикантъ и земледѣлецъ богатѣютъ или разоряются, профессоръ учитъ и получаетъ ордена или отставку, анархиста вѣшаютъ или ссылаютъ въ Сибирь; но при этомъ государству нѣтъ дѣла, происходитъ ли онъ отъ Сима, Хама, или Лафета, равно какъ нѣтъ дѣла до того, молится ли онъ на пятикнижіе или на икону. Вотъ о чемъ говоритъ Чичеринъ, и что ясно какъ день. А г. Ренненкампфъ изобрѣтаетъ какія то кондиціи для евреевъ, при чемъ однако не указываетъ ни какъ удостовѣряться въ выполненіи ихъ, ни что дѣлать съ тѣми евреями, которыя ихъ не выполняютъ.

Дѣлая разныя историческія поправки къ изложенію Чичерина, г. Ренненкампфъ въ еврейскомъ вопросѣ вляетъ еще болѣе, чѣмъ въ польскомъ. Онъ повторяетъ все шаблонныя обвиненія противъ евреевъ, не провѣряя ихъ, и разрѣшая какой либо въпросъ, вставляетъ всюду столь

излюбленное учеными его сорта «но». Получается нѣчто весьма нелѣпое и жалкое.

«Можно думать, говорить онъ, что каждый просвѣщенный человѣкъ, въ которомъ не заглохли чувства правды и гуманности, раздѣлитъ ваши (Чичерина) положенія въ смыслѣ стремленія достигнуть цѣли *) гражданской свободы и уравненія правъ евреевъ. Но въ тоже время едва ли какой либо государственный человѣкъ или общественный дѣятель, знакомый съ исторіей поселенія евреевъ въ Россіи и знающій дѣйствительныя условія жизни русскихъ и евреевъ, считалъ бы возможнымъ привести сразу ваши положенія въ исполненіе безъ необходимой постепенности и предварительныхъ мѣръ подготовки». По мнѣнію г. Ренненкампа выходитъ, такимъ образомъ, что впредь до выполненія предварительныхъ мѣръ подготовки надо заглушить въ себѣ чувства правды и гуманности и поступать не какъ просвѣщенный, а какъ дикій человѣкъ. Такое сознаніе, вполне согласное съ обстоятельствами русской дѣйствительности, дѣлаетъ честь откровенности г. Ренненкампа. Побѣдоносцевы, Игнатьевы, Дурново и Горемыкины, Александръ III и единомышлен. именно такъ и дѣйствуютъ. Александръ III, говорилъ въ 1881-мъ году еврейской депутаціи, что всѣ его подданные одинаково дороги его сердцу, а затѣмъ въ теченіи всѣхъ 13 лѣтъ своего царствованія издавалъ самые дикіе, нелѣпые законы, ограничивающіе правъ дорогихъ его сердцу вѣрно-подданныхъ евреевъ. И когда, играя въ винтъ, онъ получалъ пиковаго валета, то высочайше изволилъ шутить, говоря: «опять этотъ жидъ пришелъ», и тѣмъ являлъ своему народу примѣръ терпимости къ евреямъ. Г. Ренненкампа въ быстромъ и поверхностномъ очеркѣ указываетъ на нерасположеніе къ евреямъ, проходящее черезъ всю русскую исторію, начиная съ кievскаго погрома начала XII столѣтія, прекращеннаго Владиміромъ Мономахомъ. Онъ цитируетъ извѣстное, изрѣченіе императрицы Елисаветы «не желаю интересной прибыли отъ враговъ моего Господа Христа», и, допуская, что русское купечество и сельскіе кулаки обнаруживаютъ нерасположеніе къ евреямъ боясь ихъ опасной конкуренціи, утверждаетъ, что это чувство замѣчается и въ массѣ земледѣльческаго населенія.

Г. Ренненкампа, очевидно, не понимаетъ, насколько приводимыя имъ доказательства говорятъ противъ него. Если дикіе кievляне XII столѣтія смотрѣли на евреевъ также какъ дикіе кievляне XIX столѣтія, то это только доказываетъ дикость тѣхъ и другихъ. Но Владиміръ Мономахъ — большій авторитетъ и жаль, что его преемники, вмѣстѣ съ его шапкой, не унаслѣдовали его просвѣщенныхъ взглядовъ. Изрѣченіе Елисаветы, напоминающее и по стилю, и по мысли горничную (у Грибоѣдова Лиза говоритъ: «вы знаете, что я не льщусь на интересы») доказываетъ то, что російскій престолъ доставался глупымъ, съума-

*) Каковъ стиль!

сброднымъ женщинамъ, съумасшедшимъ, въ родѣ Павла, и идіотамъ въ родѣ третьихъ Петра и Александра. Воззрѣніе на евреевъ какъ на враговъ Христа едва ли можетъ быть признано доказательствомъ государственной или иной какой либо мудрости. Конкуренціи евреевъ боятся не только купцы и кулаки, но и профессоры, врачи, адвокаты, инженеры. Оттого то у насъ такъ мало людей этихъ профессій, оттого то они такъ мало удовлетворительны. А относительно земледѣльческаго класса трудно признать г. Ренненкампа авторитетнымъ представителемъ его воззрѣній. Нашъ земледѣльческій классъ пока весьма безгласенъ и инертенъ и подчиненъ всякимъ вліяніямъ, такъ, что его голосъ и не можетъ быть особенно сознательнымъ. При томъ извѣстны и такіе случаи, когда сельскія общества ходатайствовали о дозволеніи евреямъ селиться въ деревняхъ.

Еслибъ однако вопросъ шелъ о томъ, какъ евреямъ добиться расположенія кievлянъ, императрицъ и императоровъ, купцовъ, кулаковъ, г. Ренненкампа и земледѣльческаго класса, то, можетъ быть, доводы г. Ренненкампа имѣли бы какое нибудь значеніе. Но вѣдь дѣло идетъ не о расположеніи, а о гражданскихъ правахъ, о законодательной эманципаціи евреевъ. Негры въ Сѣвер. Америкѣ тоже не пользовались, не пользуются и еще не скоро будутъ пользоваться расположеніемъ янки, однако ихъ освободили и дали имъ всѣ права — гражданскія и политическія — цѣной колоссальныхъ жертвъ, а русское правительство, поддерживаемое и поощряемое такими учеными, какъ г. Ренненкампъ, держитъ евреевъ въ рабствѣ и униженіи.

Чего же опасается г. Ренненкампъ и чего онъ хочетъ? Онъ опасается, чтобъ евреямъ не дано было слишкомъ много правъ и хочетъ ограниченій. Съ точки зрѣнія научной, принципиальной, на которой стоитъ Чичеринъ, въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть ни много, ни мало, а можетъ быть только одно: евреи должны имѣть всѣ права, какъ и всѣ жители Россіи, а всѣ жители Россіи должны имѣть одинаковыя права. Но ученые сорта г. Ренненкампа не могутъ не сидѣть между двухъ стульевъ и словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой.

«Относительно свободы евреевъ во всѣхъ профессіяхъ и сферахъ общественной жизни, говоритъ г. Ренненкампъ, я согласенъ, что необходимо избѣгать положительныхъ нормъ и задачъ для дѣятельности евреевъ, но . . . можно указать на нѣкоторыя необходимыя ограниченія относительно нынѣшняго положенія евреевъ въ Россіи».

И такъ, положительныхъ нормъ не нужно, но отрицательныя необходимы. Нельзя заставить евреевъ заниматься земледѣліемъ, но можно запретить имъ это; нельзя заставить евреевъ быть инженерами, учителями, профессорами, врачами, но можно запретить имъ все это; нельзя заставить евреевъ торговать, но можно закрыть для нихъ всю Россію, кромѣ западной и южной окраинъ; нельзя заставить евреевъ быть здоровыми, но можно запретить имъ

лечиться въ Ялтѣ и другихъ мѣстахъ. Такъ и поступаетъ русское правительство, съ научнаго благословенія г. Ренненкампа.

Что же онъ приводитъ въ оправданіе своего «но»? А вотъ что: «евреи обладаютъ большею энергіею, подвижностью и предприимчивостью, даже сравнительно съ великороссами; они болѣе культурны, всѣ грамотны, имѣютъ навыкъ въ соображеніи выгоды дѣла; наконецъ, они сохранили крѣпкую внутреннюю связь, солидарность, руководство и помощь кагала, хотя и не признаннаго официально. Все это даетъ имъ большія преимущества передъ разобщеннымъ, слабымъ и темнымъ крестьянствомъ, на которомъ зиждется сила и прочность Россіи. Нельзя отдать это «мужицкое царство» на произволь корыстной, ничѣмъ не стѣсняемой, смѣлой спекуляціи и конкуренціи» слѣдуетъ нѣсколько словъ о задачахъ государства и цитата изъ Гнейста о томъ, что государство «обязано поддерживать моральную сторону, которая требуетъ, чтобъ человѣкъ жилъ не только для блага своего, но и для другихъ. Вслѣдствіе этого, чѣмъ болѣе развивается неравенство классовъ и силъ, тѣмъ болѣе нужно сильное руководящее и охраняющее государство».

На этихъ основаніяхъ г. Ренненкампа полагаетъ, что въ настоящее время необходимо: 1-е устранить евреевъ отъ приобрѣтенія и даже аренды сельской земельной собственности; 2-е установить процентное отношеніе для приѣма евреевъ въ среднія и высшія правительственныя учебныя заведенія; 3-е устранить евреевъ отъ винной торговли и 4-е тщательно и съ знаніемъ дѣла пересмотрѣть и обсудить существующее русское законодательство о евреяхъ и устранить изъ него все, что поддерживаетъ замкнутость, исключительность и вредные наросты талмудическаго еврейства.

Далѣе г. Ренненкампа находитъ, что невозможно и неразумно сразу снять черту еврейской осѣдлости, ибо тогда еврейство «заполонитъ наши города и особенно села, неимѣющіе ни силы, ни способовъ бороться съ еврейскою изворотливостью и жаждою добычи. Едва ли выиграютъ при этомъ и сами евреи, такъ какъ въ массѣ они принесутъ не знанія и прочный трудъ, а аппетиты быстрой наживы насчетъ темнаго, оторопѣлаго населенія; черезъ два три поколѣнія этимъ нежданымъ пришельцамъ станетъ уже тѣсно и они снова должны будутъ искать новыхъ мѣстъ для легкой добычи».

Г. Ренненкампа признаетъ, что до сихъ поръ наше законодательство стояло на началахъ, которыя усиливали замкнутость и закоренѣлую отчужденность евреевъ. Онъ указываетъ на царствованіе Николая I., съ его особыми еврейскими обществами, особымъ порядкомъ отбыванія повинностей, особыми еврейскими училищами и кантонистскими заведеніями, особыми видами и билетами для передвиженія внѣ еврейской осѣдлости и т. д.

Наконецъ, г. Ренненкампфъ требуетъ, чтобы образованный слой еврейства обратилъ вниманіе и употребилъ мѣры, чтобъ направить бѣдный, полуголодный классъ своихъ соплеменниковъ къ дѣйствительному труду, ручной работѣ, ремесламъ, къ болѣе легкимъ отраслямъ земледѣлія—садоводству и огородничеству. Онъ желаетъ, чтобъ было въ особенности обращено вниманіе на положеніе женскаго пола въ еврейскихъ семьяхъ, который питаетъ какое то враждебное отвращеніе къ труду и ручной работѣ. Въ заключеніе онъ догадывается, что необходимо озаботиться о просвѣтительныхъ средствахъ для русскаго крестьянскаго населенія. Настоятельно нужно доставить ему общую грамотность, учредить возможно болѣе училищъ, земледѣльческихъ, техническихъ, ремесленныхъ, торговыхъ, которыя просвѣтили бы его умъ, увеличили производительность и дали силы бороться съ конкуренціей пришельцевъ.

Трудно представить себѣ, чтобъ человекъ, считающій себя умнымъ, ученымъ и публицистомъ рѣшился печатно выступить съ такими глупостями, противорѣчіями и научнымъ легкомысліемъ!

Г. Ренненкампфъ не замѣчаетъ или не хочетъ замѣтить, что всѣ приписываемыя имъ евреямъ качества, дающія имъ преимущества надъ крестьянствомъ, суть драгоценныя свойства, которыми государство и общество должны дорожить. Онъ не видитъ, что разобщенность, слабость и темнота крестьянства цѣликомъ падаютъ на отвѣтственность русскаго правительства и гг. Ренненкамповъ и могутъ вызвать лишь желаніе уничтожить это правительство и этихъ господъ, а не должны служить причиной къ ограниченію правъ евреевъ. Надо уничтожить разобщенность, слабость и темноту крестьянства не только для цѣлей борьбы съ еврействомъ, а для пѣлей блага крестьянъ. Учрежденія школъ мало: надо избавить народъ отъ произвола земскихъ и иныхъ начальниковъ, отъ позора тѣлесныхъ наказаній, отъ поборовъ и взяточничества. Надо ввести въ крестьянскую среду, на правахъ равныхъ, людей цивилизованныхъ, надо уничтожить тотъ порядокъ, по которому, при имущественныхъ спорахъ народа съ помѣщиками и фабрикантами, чинится не судъ, свободный и независимый, а дикія экзекуціи губернаторскихъ чиновниковъ, прѣзжающихъ съ воинскими командами—какъ практикуетъ даже умный, либеральный генералъ Драгомировъ, нынѣшній кievскій генералъ-губернаторъ, когда то издавшій приказъ о томъ, что войскамъ не подобаетъ исполнять функций палачей. Г. Ренненкампфъ, въ своемъ пылкомъ раболѣпствѣ, вспоминаетъ дикія мѣры, нашего Николая I-го и забываетъ еще болѣе дикія мѣры принятыя Александромъ III., которыя онъ, профессоръ Ренненкампфъ, поддерживаетъ всей силою своей учености. Развѣ теперь нѣтъ особаго порядка отбыванія евреями повинности, при которомъ родители отвѣчаютъ за грѣхи дѣтей? развѣ теперь нѣтъ особыхъ, унижительныхъ пра-

вилъ для передвиженія евреевъ внѣ черты осѣдлости?, развѣ не выселялъ московскій великій князь—недерасть евреевъ тысячами изъ Москвы? развѣ не наживаютъ полицейскіе, въ родѣ кіевскаго полиціймейстра Живоглядова, сотни тысячъ на правѣ жительства евреевъ въ Кіевѣ? развѣ не создаются особыя еврейскія училища тѣмъ, что сотнямъ и тысячамъ евреевъ отказываютъ въ приѣмѣ въ гимназіи, университеты и институты?

Г. Ренненкампфъ позволяетъ себѣ повторять глупыя фразы о еврейскомъ кагалѣ, забывая прежде всего, что солидарность людей есть заслуга, что всюду не только дозволяются, но и поощряются союзы, фрейны и т. п. и что существованіе какого то особеннаго, чуть ли не всемірнаго кагала, имѣющаго особыя, темныя и недозволенные цѣли есть плодъ фантазіи гг. Брафмановъ, Дрюмоновъ и Шмаковыхъ, по стопамъ которыхъ неприлично ученому профессору идти и ставить евреямъ въ вину то, что всякому другому человѣку ставилось бы въ достоинство. Когда русскіе затѣваютъ войны изъ за сочувствія къ болгарамъ и сербамъ—то это высокое проявленіе, а когда англійскіе и французскіе евреи заступаются за дамасскихъ евреевъ, обвиняемыхъ въ религіозныхъ убійствахъ, или за кутаисскихъ, или когда они организуютъ помощь жертвамъ кіевскихъ и иныхъ погромовъ, то гг. Ренненкампфы кричатъ: всемірный кагалъ!

Съ поразительною наглостью ученый профессоръ называетъ русскихъ евреевъ пришельцами, забывая, что Россія завоевала евреевъ у Польни, сама и притомъ насильно, взяла ихъ вмѣстѣ съ польскими землями. И мы видимъ, что въ польскихъ повстаніяхъ, какъ 1830, такъ 1863 годовъ участвовало и пострадало не мало польскихъ евреевъ. Констатируя факты приобрѣтенія евреевъ вмѣстѣ съ польскими землями, г. Ренненкампфъ наивно замѣчаетъ: «не могло же русское правительство прибѣгнуть къ испанскимъ средствамъ временъ Фердинанда и Изабеллы, т. е. изгнать евреевъ поголовно изъ возвращенныхъ русскихъ областей». Отчего же не могло? жестокости, что ли, у него не хватило бы? Во все нѣтъ, а оттого, что Екатерина не успѣла заняться еврейскимъ вопросомъ, Александръ I былъ либераль, Александръ II сдѣлалъ не мало шаговъ въ смыслѣ эманципаціи евреевъ, но за то Николай I. и Александръ III поступали съ евреями по чини Фердинанда и Изабеллы, съ той лишь разницею, что въ то время какъ эти послѣдніе и Николай поступали какъ фанатики а-злѣди, но дѣйствовали честно и открыто, Александръ III и его баши-бузуки дѣйствовали какъ тати, лгали и лицемерили. Кантонистскія школы, московскія изгнанія и кіевскія облавы не лучше испанскихъ костровъ. Можетъ быть не всѣ знаютъ, что такое кіевскія облавы. Вотъ что: по пятницамъ ночью оцѣпляются дома, гдѣ живутъ евреи и начинается провѣрка правъ на жительства. У кого не оказывается ихъ, тѣхъ забираютъ въ участокъ: больныхъ,

стариковъ, женщинъ, дѣтей. За неимѣніемъ достаточнаго помѣщенія все это оставляется на дворѣ въ дождь, морозъ. Затѣмъ начинаются высылки по этапу, или собраніе даней. И такой порядокъ господствовалъ много лѣтъ, и объ этомъ знали честные русскіе администраторы—губернаторъ Тамара и генералъ губернаторы Дрентельнъ и Игнатьевъ, которые сами взятокъ не брали, но при которыхъ полиція разбогатѣла. Врядъ ли это прекратилось и теперь.

Еще наглѣе и смѣлѣе заявленіе г. Ренненкампа о корыстной, ни чѣмъ не стѣсняемой еврейской спекуляціи, объ ихъ изворотливости и жаждѣ добычи, объ ихъ аппетитахъ быстрой наживы. Ужъ кто бы говорилъ, а не г. Ренненкампфъ. Онъ ли и его товарищи по дѣятельности работали безкорыстно, стѣснялись въ своихъ спекуляціяхъ, они ли не обнаружили аппетитовъ быстрой наживы? Кто не стремится къ наживѣ и почему это стремленіе возводится въ какую то особенность евреевъ? «Развѣ, спрашиваетъ Чичеринъ, не то же самое мы замѣчаемъ и въ русской торговлѣ, которую прошедшая наша исторія также не приучила къ честности? Развѣ русскій кулакъ не такой же, если не худшій ростовщикъ, нежели еврей? Разница между ними состоитъ лишь въ томъ, что еврей довольствуется ~~малымъ~~, тогда какъ русскій кулакъ всегда ~~старается~~ ~~выжать~~ ~~какъ~~ ~~можно~~ ~~больше~~». Людей безкорыстныхъ, одушевленныхъ высшими задачами, людей не отъ міра сего, вообще немного. Ихъ очень мало среди 130 милліоннаго русскаго народа, но онъ есть и между русскими евреями. Одинъ д-ръ Португаловъ чего стоилъ. А мало ли было евреевъ между нашими политическими преступниками, о которыхъ можно быть какого угодно мнѣнія и говорить что угодно, но никакой Ренненкампфъ не скажетъ, что они гнались за легкой наживой и жаждали добычи. Потому то ихъ и вѣшали и ссылали.

Г. Ренненкампфъ очень боится, что евреи заполонятъ наши города и села. Какъ! могутъ 5 или даже 6 милліоновъ евреевъ заполнить Россію, которая, при 130 милліонахъ населенія является все таки пустыней — это тайна ученаго профессора. Страна наша чрезвычайно безлюдна, и нужно все искусство русскаго правительства, чтобъ въ такой странѣ люди не находили себѣ мѣста и вынуждены были переселяться. Въ самыхъ населенныхъ губерніяхъ у насъ еще непочатой край земель, не говоря объ неизмѣримыхъ пространствахъ Сибири, средней Азіи, восточныхъ и южныхъ губерніяхъ. И вдругъ боятся, что слишкомъ много будетъ народа.

Совершенно тоже замѣчается и въ учебномъ дѣлѣ. Ученые профессора говорятъ не о томъ, что надо увеличить число гимназій, университетовъ, институтовъ, чтобъ всѣмъ желающимъ учиться, было мѣсто, а о томъ, чтобъ допускать въ нихъ только, извѣстный процентъ евреевъ. И это въ странѣ, гдѣ 9 ! 10 народа—неграмотные! Разсужденіе г. Ренненкампа по этому поводу крайне поучи-

тельны. «Несомненно, говоритъ онъ, что право каждою челоуѣка на высшее просвѣщеніе вообще и въ частности на достиженіе высшихъ степеней знаній священно и нерушимо, насколько оно зависитъ отъ личныхъ силъ и дарованій. Но (и тутъ оно есть! безъ него г. Ренненкампа не можетъ обойтись) нельзя упускать изъ вида, что въ Россіи высшія и среднія заведенія учреждаются правительствомъ и содержатся на средства общаго государственнаго казначейства, которыя составляются главнымъ образомъ изъ податей и налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ лежащихъ на многомилліонномъ народѣ. Во вторыхъ (гдѣ было во первыхъ?) у насъ среднія и особенно высшія учебныя заведенія исполняютъ роль не только просвѣдительную, но создаютъ для своихъ воспитанниковъ привилегированное положеніе; дипломы университетовъ и высшихъ спеціальныхъ институтовъ надѣляютъ окончившихъ монопольными правами, открываютъ имъ господствующую карьеру». Евреи постараются занять въ учебныхъ заведеніяхъ возможно больше вакансій и стать затѣмъ въ господствующее положеніе — а поэтому слѣдуетъ нарушить нерушимое и священное право евреевъ на высшее просвѣщеніе и не принимать всѣхъ желающихъ въ гимназій, университеты и институты. Такъ и дѣлаетъ русское правительство и г. Ренненкампа является его апологетомъ, не замѣчая всей дикости, бессмысленности и несправедливости этого. Евреи несутъ ~~все~~ налоги, подати и повинности ~~наравнѣ~~ съ русскими. Въ учебныхъ заведеніяхъ они платятъ ~~тоже~~, что и другіе. Число же евреевъ, которыхъ принимаютъ въ учебныя заведенія соразмѣряется съ числомъ христіанъ, желающихъ поступить въ эти заведенія. На 100 христіанъ принимается 3, 5 или даже 10 евреевъ. Такимъ образомъ, если въ какое либо заведеніе поступаетъ 10 христіанъ, то при самомъ большомъ процентѣ, можно принять одного еврея, а если христіанъ будетъ 8, то не примутъ ни одного еврея. Въ московскомъ университетѣ установлено напр. принимать 3 проц. евреевъ. Являются къ приему 500 челоуѣкъ имѣющихъ аттестаты зрѣлости, т. е. право поступить въ университетъ, и если въ числѣ ихъ будетъ 25 евреевъ, то 10 откажутъ. Не возмутительно ли это? А еще возмутительнѣе лицемѣрїи и правительства и г. Ренненкампа. Дипломъ даетъ монополю, открываетъ господствующую карьеру, говорятъ они, а между тѣмъ, евреямъ, имѣющимъ дипломы, закрыты почти ~~все~~ карьеры: мѣста профессоровъ и учителей, служба судебная и административная — все это недоступно евреямъ. Они могутъ идти только въ вольнопрактикующіе врачи или въ адвокаты, (послѣднее съ 1889 года тоже закрыто для нихъ).

Сказаннаго дочтаточно, чтобъ видѣть насколько слаба и незначительна полемика г. Ренненкампа противъ Чичерина. Но самый фактъ появленія книги этого послѣдняго весьма знаменателенъ, также какъ и то, что гг.

Ренненкампы не могли замолчать этой книги. Жаль только, что въ русской журналистикѣ возможна только такая критика Чичерина. Противоположная, сочувственная почтенному ученому, едва ли будетъ допущена и сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ не появлялась. Вотъ почему мы рѣшились напечатать эти бѣглыя замѣтки, которыя мы резюмируемъ слѣдующимъ образомъ.

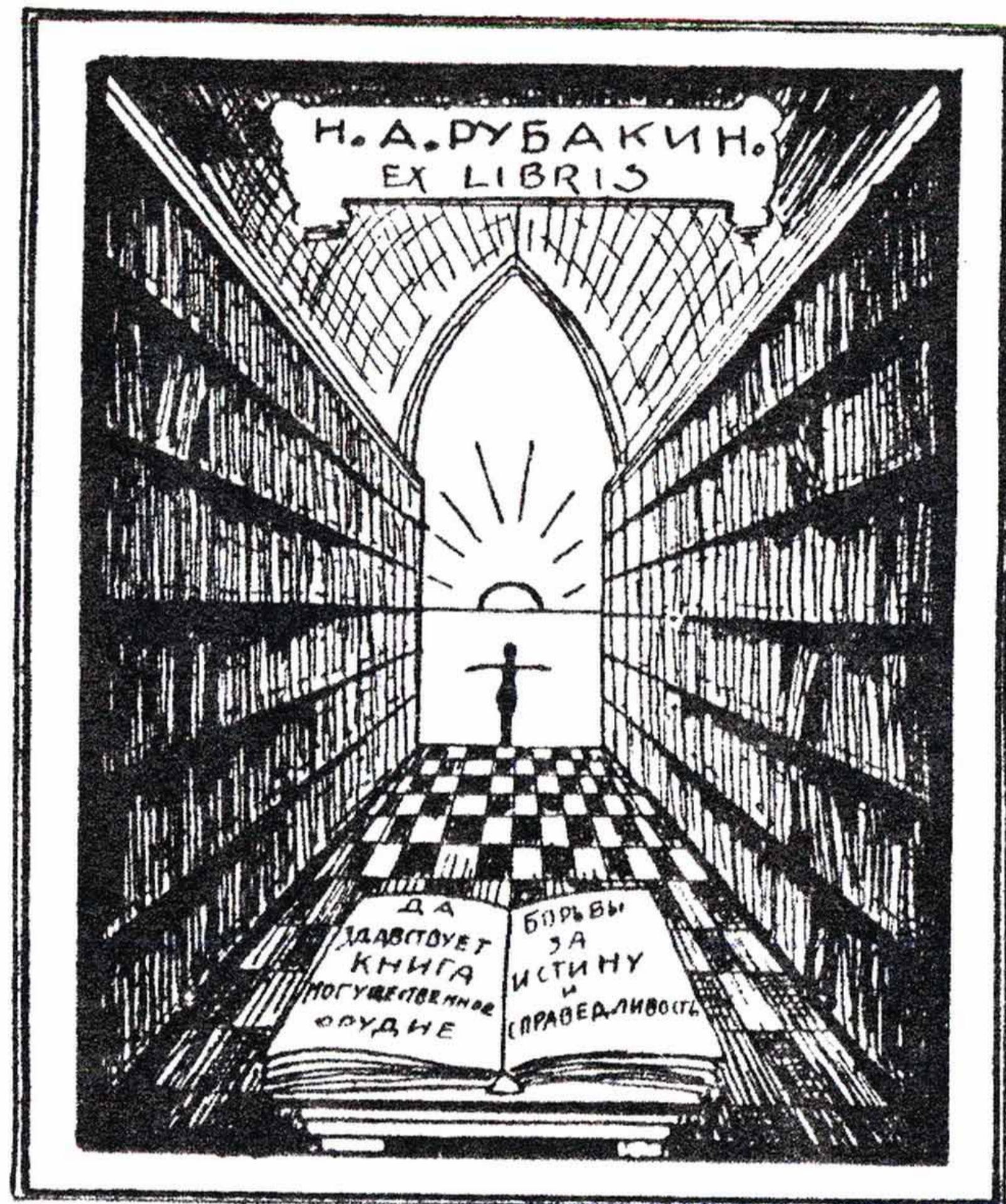
I. Польша, въ ея этнографическихъ границахъ, должна быть восстановлена какъ самостоятельное государство. Это послужитъ къ чести и выгодѣ Россіи, ослабитъ Германію и Австрію и избавитъ Россію какъ отъ непосильной для нея оккупации Польши, такъ и отъ признанія позорнаго и безнравственнаго дѣла.

II. Всѣ исключительные законы о евреяхъ должны быть отмѣнены. Это послужитъ тоже только къ славѣ и выгодѣ Россіи. Шесть милліоновъ энергичныхъ, подвижныхъ предпріимчивыхъ и культурныхъ людей будутъ призваны къ жизни, и Россія избавится отъ признанія позорнаго и безнравственнаго держанія въ рабствѣ и униженіи цѣлой категоріи своихъ гражданъ.

III. Такъ какъ все это возможно только въ государствѣ европейскомъ, а не въ азіатской деспотіи, то поэтому Россіи необходимы: Земскій Соборъ, вотирующій бюджетъ и законы, отвѣтственное министерство, свободный судъ, свободная печать, свобода исповѣданій, всесловная волость и широкое самоуправленіе уѣзловъ и губерній.

Къ этимъ задачамъ должны стремиться всѣ — Русскіе, Поляки, Евреи, вплоть до Калмыковъ и Тунгусовъ, ибо всѣ они люди, всѣ человѣки и всѣ страдаютъ подъ гнетомъ деспотизма русскихъ царей, министровъ, губернаторовъ, жандармовъ, земскихъ начальниковъ и урядниковъ. Долой ихъ, и за здравствуетъ свободная Россія!

СЪ ТОГО БЕРЕГА. 6 ш.
 ТЮРЬМА И ССЫЛКА. 5 ш.
 14 ДЕКАВРЯ 1825. 7 ш. 6 п.
La Conspiration Russe de 1825. 1 ш.
 ФРАНЦІА ИЛИ АНГЛІЯ. 1 ш. 6 п.
La France ou l'Angleterre? 1 ш.
France or England? 1 ш.
 ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ. (2 тома). 15 ш.
 ДЕСЯТИЛѢТІЕ ВОЛЬНОЙ ТИПОГРАФІИ. 2 ш. 6 п.
 ЗАПИСКИ ДЕКАВРИСТОВЪ. (3 вып.) 6 ш. 6 п.
 .. Имп. ЕКАТЕРИНЫ II. 8 ш.
 .. Е. Р. ДАШКОВОЙ. 12 ш.
 .. И. В. ЛОПУХИНА. 6 ш.
 .. А. Н. ЕРМОЛОВА. 7 ш.
 .. Д. В. ДАВЫДОВА. 6 ш.
 ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ. (кн. II) 7 ш. 6 п.
 КНЯЗЬ М. ЩЕРВАТОВЪ И А. РАДИЩЕВЪ. 10 ш.
 РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX столѣтія. 12 ш.
 ДУМЫ К. РЫЛѢВА. 2 ш. 6 п.
 СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА. Фейербаха. 7 ш. 6 п.
 СБОРНИКЪ КЕЛЬСЕВА О РАСКОЛѢ. (6 вып.).
 2 ф. 5 ш. 10 п.
 СТОГЛАВЪ. 8 ш.
 КОЛОКОЛЬ ЗА 1857, 1858 И 1859 ГГ. ВЪ ПЕРЕПЛЕТѢ. 1 ф. 10 ш.
 ОТДѢЛН. НОМЕРЪ «КОЛОКОЛА»—6 п.
 .. вып. «Голосовъ Россіи» кромѣ
 3-го по 2 ш. 6 п.
 «Полярн. Звѣзда» кромѣ 2-го
 по 8 ш., послѣд.-же 7-й—3 ш., а 8-й—5 ш.
 ПОХОЖДЕНІЯ ГРИБУЛЯ. 3 ш. 6 п.
 ПУТЕВЫЯ ЧУДЕСН. ПРИКЛЮЧЕНІЯ БАР. МЮН-
 ГАУЗЕНА. 5 ш.
 ФИНАНСОВЫЕ СПОРЫ. 1 ш. 6 п.
 ЦЕНТР. ПОЛЬСКІЙ КОМИТЕТЪ ВЪ ВАРШАВѢ. 6 п.
Centralny Narodowy Kom. Polski. 6 п.
Les Réformes en Russie par le prince P. Dol-
goroukow. 12 ш.
Corresp. du prince P. Dolgoroukow. 6 п.
 ПѢСНИ ЦАРЯ СОЛОМОНА. 1 ш.
 ЧТО НАДО ДѢЛАТЬ ВОЙСКУ. 6 п.
Сочиненія Огарева.
 СТИХОТВОРЕНІЯ. 10 ш. 6 п.
 РАЗБОРЪ НОВАГО КРѢПОСТН. ПРАВА. 1 ш. 6 п.
Essai sur la situation Russe. 3 ш.
 НАРОДЪ И ГОСУДАРСТВО. МАРТЬЯНОВА. цш. 6 п.
 НАРОДНОЕ ДѢЛО. БАКУНИНА. 6 п.

Имѣются также 3 полныхъ экземпляра «Колокола»
 (№№ 1—196), 12 ф. 10 ш.; 8 экзempl. «Полярной
 Звѣзды», 4 ф. за экземпляръ; 3 - - «Голосовъ изъ
 Россіи», 4 ф. за экз., т. е. за 9 выпусковъ, и 3
 полныхъ экзempl. «Подъ Судъ» (№№ 1—13), цѣна
 1 фунтъ.

Г.г. издатели недозволенныхъ царской цензурой русскихъ изданій, желающіе, чтобы о выходѣ таковыхъ было оповѣщено въ «Л. Листкахъ», благоволятъ присылать ихъ въ складъ Фонда въ 2-хъ экземплярахъ. Къ тому же приглашаются издатели, желающіе взаимно обмѣниваться съ Фондомъ собственными изданіями.

Выписывающимъ не менѣе чѣмъ на два фунта (50 фс.) дѣлается скидка 10 % на всѣ изданія, кромѣ библиографическихъ рѣдкостей.

Кружки и лица, приобретающіе изданія для распространенія въ Россіи, пользуются специальными условиями.

Фондъ В. Р. П. принимаетъ заказы на печатаніе изданій, не могущихъ по цензурнымъ условіямъ появиться въ свѣтъ въ Россіи.

ИЗДАНІЯ ФОНДА
ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ
ВЪ ЛОНДОНѢ

а равно и другія, запрещенныя для ввоза въ Россію книги, поименованныя въ каталогахъ Фонда, можно получать лично и по почтѣ въ книжномъ складѣ послѣдняго :

R. F. P. Fund, 15 Augustus Rd., Hammersmith, London, W. England.

(Желающіе получить полный каталогъ, должны приложить 10 сант. на почтовые расходы).